

Паутова Л. А.: «Я с радостью ожидаю изменений»

Историко-биографический проект журнала "Телескоп" существует ровно 10 лет, и сейчас завершены или находятся в стадии завершения беседы с более 60 социологами. Поскольку с некоторыми респондентами проведено по два и более интервью, то их общее количество явно превышает 70. Общение с каждым из коллег для меня незабываемо, но есть в этом долгом разговоре особые "точки". Я помню, кто согласился быть самым первым респондентом, кто был первым, среди тех, с кем до начала беседы я не был лично знаком, кто был первой из опрошенных женщин-социологов или первым не столичным (Москва и Петербург); я помню, с кого я начинал изучение представителей первых пяти поколений советских/российских социологов.

Интервью с Ларисой Паутовой — тоже долгожданная веха в нашем проекте. Оно открыло двери в пространство бесед с представителями шестого поколения отечественных социоло-

гов, т.е. тех, кто родился в 1971-1982 годы. Особый интерес к этой генерации профессионалов (и будущих профессионалов) заключается в том, все вместе они образуют первое поколение собственно российских социологов. Допускаю, что кто-либо из них еще успел поработать в социологическом коллективе до лета 1991 года, когда распался СССР. Но были они очень молоды, и стаж их работы к тому времени был слишком мал, чтобы серьезно относить эту гипотетически существующую "наногруппу" к социологам советского периода.

Мне очень приятно, что Лариса завершила рассказ о своей жизни словами: "...я с радостью ожидаю изменений. Мне кажется, социологам вообще нечего бояться. Они любую ситуацию могут понять, принять или изменить".

Хочу, чтобы эти слова оказались вещими.

Борис Докторов

— Лариса, как мы выяснили в нашей предварительной переписке, Вы принадлежите, если иметь в виду мою классификацию поколений современной советской/российской социологии, к шестой когорте. Это социологи, родившиеся в период с 1971 года по 1982 гг. Ваше поколение образовано из специалистов, из которых никто не работал по профессии в советское время. Это — весьма знаменательно. И многое у вас "не так, как у старших". Или же у них "не так, как у вас". Начнем наш разговор. Где Вы родились? Из какой Вы семьи? Что вообще вы знаете о ваших предках? Старшие поколения социологов мало знали, от них многое скрывалось... Вы формировались в другое время.

— Я родилась на Урале, в Кургане, однако в двухмесячном возрасте родители меня перевезли в Новосибирск, где они учились в Новосибирском государственном университете. Поскольку родители — уральцы, в нашей семейной истории переплетены самые разные национальности и сословия: это и сосланные в XIX веке поляки, и белорусы, переехавшие на Урал после начала первой мировой войны. Здесь же и мелкие дворяне, сбежавшие из Петрограда от революции и голода, и уральские купцы, и раскулаченные русские крестьяне, и снова поляки, но теперь уже с Центральной Украины. Для Урала и Сибири такая пестрота в порядке вещей. Польско-дворянскую линию я знаю хорошо (до середины XIX века точно, можно и дальше покопать). Крестьянские истории, как это часто бывает, раскопать не представляется возможным. О репрессированных, раскулаченных и "недобитых дворянах" я знала. Мое взросление совпало с перестройкой, когда об этом можно было говорить спокойно. Впрочем, одно белое пятно семейной истории 30-40 годов было раскрыто самим отцом только в нулевые. Официальная версия-камуфляж, которую я годами описывала в школьных сочинениях о войне, рассыпалась благодаря простейшему поиску в интернете. Мы узнали совсем другую версию событий — неожиданную, печальную и противоречивую.

Позже родители вместе со мной переехали из Новосибирска в Омск, где в 1974 году открылся университет. Но сердцем они долго оставались в Академгородке. Я хорошо помню рассказы о диссидентах, вольный дух Академгородка, ресторан "Золотая долина", но особенно про учителя отца — знаменитого академика А.Д. Александрова.

Позже, учась в Санкт-Петербурге, я познакомилась с Александровым и несколько раз была у него дома. "А.Д." расспрашивал про социологию, читал по памяти Ахматову и производил на меня впечатление символа научности.

Кстати, по совпадению моя матушка училась у Марии Ива-

новны Черемисиной — сестры Татьяны Ивановны Заславской. Позже, когда Татьяна Ивановна стала депутатом Верховного Совета СССР, я ее воспринимала почти как близкого знакомого.

Мои родители по-прежнему работают в Омском государственном университете, оба доктора наук. Отец — математик, мама — филолог. В детстве меня брали на лекции и университетские праздники. Я выбрала для себя самый ожидаемый путь ребенка из научной семьи: после школы — университет, после университета — аспирантура. Отец был моим неформальным научным руководителем. Начиная заниматься социологией, я долго была под его влиянием. Моя кандидатская диссертация напирана математическими терминами и социологическим подходом. В соавторстве с отцом у нас вышло несколько книг. Мамины филологические книги также были мной прочитаны и использованы в работе, например, статья про ассоциативный эксперимент в социологии возникла явно не случайно.

Если говорить о поколениях, то мои родители — типичные интеллигенты-семидесятники. Они были воспитаны на "Beatles" и "Rolling Stones", любили Тарковского, Станислава Лема и Стругацких, а позже не особо скрывали от меня своих либеральных симпатий. Перестройку они встретили на ура. Все новые передачи и трансляции коллективно просматривались, перестроечные газеты-журналы прочитывались. Я помню в деталях события конца 80-ых, 1991 и 1993 годов. Отец всегда был страстным бойцом с теми обстоятельствами, которые он считал неразумными. Большая и малая политика всегда были вокруг него и на нашей кухне. Думаю, что это сильно повлияло на меня как на социолога, поскольку периодически меня сильно тянет в политические дискуссии. Порой мне кажется, что с таким разоблачительным настроением я должна была работать в "Левада-центре".

— Похоже, Вы — первый человек в моей коллекции

биографии российских социологов, кто не состоял в комсомоле... Или Вам немного знакома эта реальность?

— Мое поколение болезненно воспринимало идеологическое лицемерие вырождающейся партии комсомола. Двойной стандарт и маразм всегда раздражает подростков. А в то время жизнь была особенно наэлектризована (к сожалению, я это все чаще чувствую сегодня). Такие, как я, воспитаны на "Курьере", "Ассе", "Меня зовут Арлекино", "Легко ли быть молодым?" (на "Маленькую Веру" и "Интердевочку" тогда не удалось попасть по малолетству). И все-таки, несмотря на отторжение системы, я — "последний из комсомольцев". Даже входила в комитет комсомола школы. Вступала в организацию одна в пустом зале. Секретарь райкома смущенно спросил о моих мотивах. Я воодушевленно ответила, что хочу принять участие в перестройке комсомольской организации. Вероятно, ощущала себя девичьим воплощением песни "Мы ждем перемен" Виктора Цоя. Секретарь удивился, пробормотал какие-то заученные фразы и вручил билет. Масштабы моей перестройки, однако, были незначительны. Мы проводили классные часы о репрессиях 30-50-ых и эмоционально разоблачали "культ личности". Однако гораздо большим успехом у старшеклассников пользовались дискотеки: для парней включались ранее не одобряемые Metallica, Bon Jovi, AC/DC, Aerosmith, а для девушек — "Ласковый май", Женья Белоусов и Modern Talking. Поступив в университет в 1990 году, я ответственно пыталась встать на учет в организацию. Однако комсомол умирал, а бывшие активисты занимались бизнесом и крутили в студклубе видео (от "Рэмбо" до "Калигулы" и "Греческой смоковницы"). В 1991 году после XXII съезда все закончилось, и официально историческая роль ВЛКСМ была признана исчерпанной. Перестраивать было уже нечего. Членский билет у меня до сих пор хранится.

— **Выше Вы заметили: "...учась в Санкт-Петербурге...". Означает ли это, что после окончания школы в Омске Вы поехали учиться в Санкт-Петербург? Почему не в Новосибирский университет? Какой факультет Вы выбрали?**

— Это история с почти синергетическими эффектами жизненного поворота. На третьем курсе исторического факультета было желание перевестись в Новосибирский университет на гуманитарный факультет. Я даже ездила в Академгородок, ходила на лекции к известным специалистам (в то время не было пропускной системы, можно было свободно пройти в учреждение). Но что-то меня остановило. Возможно, уже не хотелось менять свою жизнь ради музы истории Клио. Хотелось чего-то другого. Ответ пришел неожиданно.

В середине 90-ых начался очередной виток интереса к социологии. Появились новые книги и журналы, стали создаваться социологические центры. Помню, что моего отца-математика часто привлекали для создания выборок социологических опросов: они особенно были нужны во времена бесконечных бурных избирательных компаний 90-ых. Мой курс был одним из первых, не освоивших научный коммунизм. Нам уже преподавали социологию. Первоклассный преподаватель Ирина Анатольевна Огородникова (выпускница философского факультета УрГУ) читала большой теоретический и практический курс социологии. Скажу честно, я не сразу поняла социологический метод. Историка — народ замкнутый, со своеобразным академическим снобизмом. Было очень сложно сломать историческое мышление, привязанное ко времени и событиям. Получив свои пятерки, я, возможно, забыла бы про социологию и стала историком культуры. Или как вариант, поступила бы позже на психологию, которая мне всегда нравилась. Была еще третья дорога — отделение теологии ОмГУ, куда меня также звали, поскольку я специализировалась на византийской культуре и иконописи. Прямо как в сказке: "Едет богатырь по дороге, видит — впереди развилка, три дороги, камень". Было сложно выбрать. Но вот тут жизнь сделала первый резкий разворот: созданной на месте кафедры научного коммунизма (!) кафедре социологии понадобился молодой специалист с "новым сознанием". Заведующий кафедрой

Александр Владимирович Бутаков предложил мне место ассистента и направление в аспирантуру факультета социологии СПбГУ.

Я подумала немного, согласилась и никогда не жалела об этом. Так сложилось, что мне всегда нравилась социальная философия, я ходила на философские чтения в университете, дома была хорошая библиотека. Социология мне показалась близкой дисциплиной. Некоторые историки меня отговаривали: "Лариса, ты с ума сошла. Что такое социология по сравнению с историей? Зачем тебе "продажная девка империализма"? Ты точно пожалеешь...". Но было поздно. Я уже подседа на социологический наркотик, прочитав Сорокина, Бурдые и Гидденса. Ирина Анатольевна занималась со мной, ответственно готовя к поступлению в аспирантуру (так она стала моим первым учителем в социологии). В итоге, неожиданно для всех, два человека — А.В. Бутаков и И.А. Огородникова — поставили меня на социологические рельсы. И я буду им всегда признательна. Социологическая дорога оказалась моя...

Я поступила в аспирантуру факультета социологии, и декан Асалхан Ользонович Бороноев позвал меня к себе. Ему понравился мой вступительный реферат о социальной стабильности, а также тот факт, что я — сибирячка. Так проблематика стабильности стала моей многолетней темой в сложные времена террористических актов, экономического хаоса и политической чехарды.

Для меня Санкт-Петербург имеет особое значение. Как я уже говорила в 1917-1918 предки моей мамы уехали из Петрограда на Урал. Это было своеобразным возвращением домой. До решающего экзамена по специальности я символически ходила к дому предков на Английском проспекте. Несколько раз хотела переехать в Питер насовсем, но не сложилось...

— **Забавно, что в Вашей семье сохранился адрес, по которому жили мамы предки до Революции...**

— Мой дед тщательно собирал всю информацию и фотографии родственников. В 70-80-ые любил работать в архивах и раскапывать информацию. Его интриговала семейная история: польский ссыльный Сапега-Ольшевский и brave офицеры Балтийского флота. Докопав до какого-то забытого семейного казуса, дед, кажется, потерял к архивам интерес. Надо как-то заново заняться этим...

— **Верно ли я понял, что на четвертом курсе исторического факультета Омского университета Вы "заболели" социологией и после окончания истфака в 1995 году поступили в социологическую аспирантуру СПбГУ? А когда к Вам пришло увлечение историей и как проходили студенческие годы?**

— Во всем виноваты прабабушкины стулья, на которых по семейному преданию сидел декабрист Свистунов. Я так увлеклась исследованием, что втянулась в историю декабристов на Урале и в Западной Сибири. Внимательное обследование старинных стульев показало, что на них не мог сидеть ни Свистунов, ни Кюхельбекер, ни кто-то другой из их современников. Легенда разрушилась, но интерес к истории остался. Он подогревался громкими разоблачениями "белых пятен" истории: репрессии 30-50-ых, переосмысление роли Ленина, новый взгляд на советскую историю в целом. Учебников не было, училась по вырезкам из газет и журналов, а также по лекциям прогрессивных преподавателей. В конечном итоге, такая волна всеобщего интереса к истории окончательно затянула меня на истфак.

Годы учебы в университете замечательны по определению. Было весело несмотря на бардак 90-ых и ощущение, что завтра все рухнет. Мы с энтузиазмом пробовали новую жизнь на вкус — сникерсы, йогурты, чипсы, подозрительная Сангрия и суровая водка "Распутин". Особо были востребованы навыки распознавания "паленых" продуктов и вещей: водки — по змею пузырькам при взбалтывании, сапог — по швам на подметках, одежды — по торчащим ниткам. Мы учились и любили, а в это время из открытого доступа в библиотеке убрали Маркса-Ленина-Сталина, раз-

валили СССР, разогнали ГКЧП, расстреляли Белый дом. Зато стало можно открыто читать русскую религиозную философию, Троицкого, Бухарина, Солженицына. поголовно увлеклись Львом Гумилевым. Ксероксов и интернета не было, читали и конспектировали много. Действительно много читали, поскольку все время что-то новое появлялось: от собрания сочинений Бердяева до Плейбоя и Спид-инфо. Постперестроечный религиозный подъем тоже многих затронул. Я, например, успела многим поинтересоваться: православие, католицизм, агни-йога, Блаватская. Быстро-быстро сбегала от бахаи и адвентистов.

По-прежнему общаюсь с моими боевыми друзьями-историками. Самые стойкие остались верны истории. Вообще, знакомые разлетелись в 90-ые в самые разные стороны: в науку и бизнес, банкиры или бандиты, в тюрьму и наркоманию, Чечню, за границу. А я вот — в социологию...

Забавное совпадение. Герой скандального романа Сергея Минаева "Duhless. Повесть о ненастоящем человеке" — мой ровесник и историк по образованию в своей книге написал: "Поколению 1970-1976 годов рождения, такому многообещающему и такому перспективному. Чей старт был столь ярким и чья жизнь была столь бездарно растрачена. Да упокоятся с миром наши мечты о счастливым будущем, где все должно было быть иначе... R.I.P"

— А.О. Бороноев в последние годы занимается историей русской дореволюционной социологии, Вы — историк, как получилось, что Вы не принялись за разработку историко-социологической проблематики?

— Полагаю, что у шефа на кафедре было уже достаточно аспирантов, специализирующихся на истории социологии. Они учились не только у Бороноева, но и легендарного Анатолия Андриановича Галактионова, Риммы Павловны Шпаковой. Моя вступительная работа, видимо, была с претензией на теорию социологии. В это время мне нравился Парсонс и социокбернетика. Какая история социологии? Я со всей своей юношеской энергией принялась систематизировать и генерализировать, явно злоупотребляя естественно-научными терминами. А когда услышала в Питере Никласа Лумана, то вступила в комитет по социокбернетике Международной социологической ассоциации. Уверена, что Бороноев — отличный педагог, чувствующий особенности ученика. Он понял, что я встала на свои рельсы, и только подтолкнул меня в выбранном направлении. Я творила, он присматривал и страховал. Просто идеальный шеф.

— Лариса, с кем из петербургских социологов Вы сблизилась, сотрудничали?

— Так сложилось, что я сначала побаивалась питерских интеллектуалов и держалась смущенно-отстраненно. Однако на меня влияли очень многие мэтры, помогая своими точными советами: Владимир Владимирович Козловский, Петр Иванович Смирнов, Олег Иванович Иванов, Валерий Дмитриевич Виноградов. Очень пришлось кстати исследование Сергея Исаевича Голода по стабильности семьи (к сожалению, он недавно умер), работы по этнической социологии и психологии Зинаиды Васильевны Сикевич (позже она была моим оппонентом). Социологи Европейского университета всегда вызывали у меня особое почтение: интеллектуалы, люди мира, профи, изящно различающие и препарирующие социальную реальность (Вадим Волков, Олег Хорхордин, Михаил Соколов). Но ближе всех оказались работы Елены Здравомысловой и Анны Темкиной. В период увлечения гендеристикой я познакомилась с Анной Андриановичей и даже побывала у нее дома. Чудо-женщина и замечательный исследователь.

Больше всего сблизиться довелось с Дмитрием Ивановым, с которым вместе поступали в аспирантуру и позже защищались в один год. Дмитрий, безусловно, очень талантлив. В 1998 году на социологическом конгрессе в Монреале я с восторгом наблюдала, как он вошел в десятку лучших молодых социологов ISA. Его работы по виртуализации были началом новой digital эпохи. Свежие, дерзкие и методологически точные. Я равнялась на него, а позже приглашала его в Омск, чтобы он вдохновил студен-

тов-социологов. В настоящее время Дмитрий Иванов — доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского факультета социологии.

— А теперь — о содержании кандидатской диссертации и процессе работы над ней?

— Тема кандидатской диссертации — "Проблема стабильности социальных систем". Это была усердная аспирантская эквилибристика с дефинициями. Мне доставляло аналитическое удовольствие выделять контекст употребления таких понятий в истории социологии как "стабильность", "устойчивость", "равновесие", "устойчивое развитие" и т.п. Будучи примерной дочерью математика, проводила аналогии с естественными науками. Эти сравнения были отнюдь не в пользу социологии, где понятие "стабильность" весьма расплывчато и нагружено оценочными смыслами. Однако исторический аспект не особо увлекал, поскольку хотелось самой поупражняться в логических построениях. И тут вдохновила книга новосибирского социолога Людмилы Корель по социологии адаптаций. Людмила Васильевна предлагала свою классификацию социальной адаптации. Мне эта идея понравилась, и я выделила под три десятка видов стабильности (конечно, не столько самостоятельно, сколько на основании анализа других исследований). Позже Петр Иванович Смирнов посоветовал мне выделить некое сквозное основание деления вроде валентности в периодической системе Менделеева. Поразмыслив, я согласилась и внесла измерение "изменчивость". Тогда в схеме появилась стройность. Позже было приятно видеть, что работу цитируют. А в одном автореферате даже увидела плагиатный кусочек своей диссертации. Несмотря на удивление, было лестно.

Сам процесс написания диссертации был полностью поглощающим. Не знаю, как работают другие, но я становлюсь монодоминантной, концентрируюсь на теме. Все, что происходит в жизни, пропускаю через работу (художественные книги, рекламу, театральные спектакли, житейские истории и семейные конфликты). Параллельно у меня собирается разный околонаучный "сор" в виде картинок, вырезок, заметок и т.п. Когда захожу в тупик, вся превращаюсь "в слух": впитываю все, что говорят эксперты, и жду, когда "осенит". Рано или поздно появляется рабочая схема и текст. Сначала интуитивно шла к такому алгоритму. Теперь уже воспроизвожу осмысленно, особенно общение с коллегами. Пропуская через себя поток информации и опыт других, постепенно нападаешь на след своей работы.

Защищалась я в знаковый момент: спустя месяц после дефолта 1998 г. Примерно тогда появилось выражение мне в тему: "Наступил стабилиз.ц". Родители не смогли приехать в Питер, т.к. банки выдавали деньги только по 100 рублей в день в порядке очереди. У меня была записка от соросовской аспирантской стипендии, которая и пошла на командировку и банкет. А на питерских прилавках была ажиотажная пустота. Помню, родители девушки, с которой я защищалась, радовались, что успели купить "икру-водки-коньяки" до дефолта. Один из вопросов во время защиты был эмоционален: "Вот Вы про стабильность пишете... На дворе полный бардак. Как же нам спасти Россию?". Скажу честно, работающего рецепта спасения России у меня нет до сих пор...

— На этом завершился "петербургский" период Вашей жизни или стали работать в Петербурге?

— Так сложилось, что я осталась в Сибири. Асалхан Ользонович Бороноев предлагал работу на кафедре теории и истории социологии. Но параллельно поступило более заманчивое предложение для "девушки репродуктивного возраста" — предложение выйти замуж. Социология социологией, но замужество — это святое. Тем не менее, после защиты были очень важные для меня годы. Кандидатская диссертация — это, прежде всего, квалификационная работа. Я понимала, что социологом надо было еще стать. Следовало "нарастить мышечную массу". И я с удовольствием занималась сразу несколькими направлениями.

Во-первых, надо было еще поучиться, желательно у масти-

тых социологов. Все — таки бэкграунд был исторический. Мне довелось посетить несколько летних/зимних школ, где преподавали гранды российской социологии: А.Ф. Филиппов, В.А. Ядов, Г.С. Батыгин, И.Ф. Девятко, Н.Е. Покровский, Л. Д. Гудков, В.В. Радаев, А.О. Крыштановский и др. Такие школы были не только социализацией молодых региональных специалистов, но и какой-то "апостольской миссией". За две недели мне передавали сакральное социологическое знание, я же его потом с удовольствием транслировала студентам: от старых баек и профессиональных анекдотов до новых имен, книг, трендов и невинных сплетен. Также почти каждый год доводилось ездить на симпозиум "Куда идет Россия?" ("Пути России"). Даже планировала уже, будучи кандидатом наук, поучиться на магистерской программе в Шаньинке.

Во-вторых, довелось побывать на хороших постдокторских стажировках и конференциях (Канада, Норвегия, Испания, Венгрия, Польша). Эти поездки показали, что ни в коем случае нельзя замыкаться на "провинциальном" уровне тематик. Хотелось, живя далеко от центров социологии, думать и действовать глобально. Видимо, хотелось брать пример со своего омского преподавателя, историка Анатолия Викторовича Ремнева, работы которого в области Empire Studies получили международное признание. Он привлекал меня в свои проекты, совместные с западными коллегами, питерскими историками и московскими социологами (Еленой Борисовной Шестопал, например). Это был мощный заряд креатива и научной энергии. Никаких банальностей и тривиальностей. Только новые подходы в сочетании с добротной академической школой. Не так давно Анатолий Викторович умер в возрасте всего лишь 56 лет. Думаю, сейчас в Омске сложно найти гуманитариев, сопоставимых по энергетике и масштабу личности.

Мне также довелось работать в интересном проекте с математиками: Александром Константиновичем Гуцом, Виктором Коробицыным, Александром Лаптевым и Юлией Фроловой. В рамках гранта Central European University мы занимались компьютерным моделированием социальных систем и выпустили три небольшие, но интригующие книги для студентов. Любя и тоскуя, называю этот свой период "объективистским угаром". Меня поглотила формализация и желание поиграть в имитации. Время способствовало увлечению симуляциями: страну охватила компьютеризация и виртуализация. Было интересно формализовать социальные процессы, заменить людей социальными агентами и поиграться в социологически ориентированные компьютерные модели. Наши компьютерные социальные чудо-агенты захватывали чужие этносы, проигрывали выборы, женились и расходились. Но именно в этот момент, наблюдая, как у математиков на дисплее компьютера социальные агенты буквально поедают друг друга, я поняла, что очень мало знаю о реальных людях: их правилах, установках, алгоритмах действия. Это ощущение появляется и сегодня. Но работа в полстерской компании все-таки ликвидировала самые большие пробелы в знаниях.

И, наконец, была в моей биографии и гендерная тематика. В начале нулевых это был очень модный вопрос. В возрасте под 30 женщины нередко задумываются о "тайнах пола". Мой интерес к опасной теме подхлестывался еще и появлением грантов по гендеристике. У меня был такой грант на разработку учебного курса по гендерной тематике. Два года я шокировала парней-студентов феминистскими темами, вдохновляла девушек чтением Симоны Бовуар и Суламифь Файерстоун. Помню, мои слушатели даже рисовали на занятиях образ мужчины и женщины, а потом мы эмоционально выявляли гендерные стереотипы (конкурс "В каждом рисунке гендер!"). Минус этого периода состоял в бесконечных дискуссиях с моими знакомыми парнями-историками, которые, кажется, были уверены, что я сошла с ума. Плюс — в знакомстве с интересными исследователями (Анной Темкиной, Татьяной Барчуновой и др.). Глубокого исследователя гендерных проблем из меня, правда, не вышло. Я родила, окон-

чательно осознала, что мир гендерно ассиметричен и на этом успокоилась...

Вспоминаю сейчас эти годы и вижу разные траектории, по которым могла развиваться жизнь. Тогда же была настолько увлечена всем и сразу, что не могла отследить те варианты, которые предлагала судьба. Но верно одно: очень много "двигалась" и видимо достаточно осмысленно. Подобно лягушке из притчи, попав в молоко, усиленно перебирала лапками. Вот, видимо, и взбила молоко в масло.

— Да, "постдокторское" время Вы проводили весьма эффективно, прошли, похоже, лучшую из возможных в России в те годы школ. Что вело Вас — судьба или интуиция? И в какую сторону далее Вас повели эти силы? Наступило условно стабильное время или турбулентности продолжались?

— Если говорить о стабильности в обществе, то, конечно, в нулевые мы стали ощущать устойчивость под ногами и чуть большую уверенность в будущем. Данные опросов это подтверждали и по-прежнему подтверждают. Однако, я склонна использовать оценки Юрия Левады: "относительная стабильность", "иллюзия стабильности", "имитация стабильности". Мне такие акценты близки до сих пор.

Возникла определенная стабильность и на работе: в Омском университете открылась специализация "Социология", появились студенты-социологи. Мы с удовольствием институционализировались, осваивали новые курсы, выращивали профессионалов. Выпускники первых лет были очень яркими личностями. Многие остались в исследовательской сфере и сейчас делают первоклассные проекты.

Что вело меня в это время? Сложно понять, что же в большей степени влияет на цепочку событий: правильно сфокусированные усилия или же "поток", выносящий на новую жизненную площадку. Пока я не состоянии "отрефлексировать" свой опыт под этим углом зрения. В юности усвоила одну банальную формулу: "Прорыв зависит от усердных "попыхосов", отведенных на аналитику, и "самолеточасов", потраченных на важные встречи". С возрастом начинаешь фокусировать усилия и правильно организовывать и то, и другое. Почти химическая реакция усилий и встреч в какой-то момент создает новые перспективы. Сейчас же часто ощущаю, что в изменениях всегда присутствует нечто, не поддающееся измерению. Это особенно видно, когда находишься в тупике. Не помогает ничего: можно сколь угодно грести лапками, думать-размышлять и все без толку. Но потом отпускаешь ситуацию и ждешь. Со временем приходит волна, и начинается новый этап.

В 2001 году Бороноев неожиданно предложил мне начать писать докторскую. Не скажу, что бы я планировала или особенно хотела этого. Однако именно в тот момент было ощущение тупика. Живя в Омске, не знала куда дальше двигаться. Наверное, поэтому согласилась и поступила в докторантуру факультета социологии СПбГУ. Странно, что спустя пару месяцев появились и другие жизненные альтернативы: стажировки в американских вузах и ...беременность. Америке пришлось сказать "Погоди пока, дорогая. Сейчас не до тебя". Свою книгу "Повседневные представления о стабильности" я посвятила дочке как полноценному соавтору. Одну главу дописывала в роддоме, другие — в перерыве между кормлениями и гуляниями. Монография во многом устарела, но по-прежнему мне нравится своей оригинальностью и искренностью (например, главы назывались "Думая о стабильности", "Чувствуя стабильность" "Рисуя стабильность"). Пришлось комплексно помучить бедных респондентов: несчастные давали ассоциации со словом стабильность, формулировали суждения и оценки, сравнивали, ранжировали и даже рисовали. В какой-то момент текст не лепился. Например, мне не совсем было понятно, что именно ощущают некоторые респонденты, когда говорят "Стабильность — это когда сегодня так же, как вчера и как будет завтра". В одно утро, когда в очередной раз варились каша, менялись памперсы и сыпались одни и те же про-

блемы, до меня внезапно дошло, что же такое "стабильность": "Ах, вот они про что говорят! Все понятно. Одноитожество".

В конечном итоге эта небольшая монография сыграла кардинальную роль. Одним из рецензентов была великолепная Галина Галеевна Татарова, с которой я ранее познакомилась на конференции (после доклада, помню, услышала от нее что-то вроде "А Вас, Штирлиц, я попрошу остаться"). Она показала книгу Светлане Гавриловне Климовой, а та, в свою очередь, Ивану Климову. Позже мне написал Иван, сказал хорошие слова. Так началось мое сотрудничество с ФОМом. Я написала для "Социальной реальности" статью "Стабильность по-украински" vs "Стабильность по-русски" (было бы интересно, кстати, написать продолжение). Будучи в ФОМе и общаясь с Григорием Львовичем Кертманом, я сказала, что, собираюсь переехать в Москву. Через какое-то время получила приглашение работать в ФОМе. Так получилось, что даже не пришлось искать работу. Приехала в столицу, обустроилась, закинула ребенка в детский сад и вышла на работу в ФОМ в отдел к Ивану Климову. Вот такая новая волна...

— Да, так, а что с докторской?

— Все состоялось в 2007 году. Чуть позже, чем полагается (все-таки с ребенком сложнее писать). Защитилась хорошо, ровно, без проблем. Асалхан Ользонович и питерские коллеги очень меня поддерживали. Большое им спасибо. Сам процесс творчества мне понравился. Вспоминая, как все развивалось, могу выделить несколько ярких встреч. Прежде всего, общение с Еленой Борисовной Шестопал, вдохновившей меня и на докторантуру, и на книгу. Когда я была у нее в гостях, она показала несколько добротных эмпирических исследований, по мотивам которых были написаны монографии. Мне запомнилось следующее: "Лариса, попробуй. У тебя обязательно получится. Но главное, ты получишь колоссальное удовольствие". Ее эмпирические исследования мне всегда нравились, особенно вариации ассоциативных методов (ассоциирование политиков с цветом, запахом, животным). Много удалось заимствовать и неплохо реализовать в исследованиях стабильности.

Другой источник вдохновения — работа Евгения Головахи и Александра Кроника по психологическому времени личности. Через них узнала о временном тесте Коттла, который потом удачно применяла, "вынуждая" украинских и российских студентов ассоциировать стабильность с временными кругами — прошлым, настоящим и будущим. Евгений Иванович любезно отозвался на мое письмо и позже дал отзыв на работу.

Ранее уже говорила, что училась в летней школе у Александра Фридриховича Филиппова. Потом несколько раз пересекалась с ним в Москве. Мне всегда нравилось бывать на секциях Филиппова, где собирались прекрасные социологи: Светлана Баньковская, Виктор Вахштайн, Вадим Волков, Андрей Корбут, Михаил Соколов. Видимо, я пыталась неуверенно и неточно подражать таким замечательным интеллектуалам. Уж очень хотелось видеть мир так же, как и они. Но я вижу его иначе. Видимо, я — больше эмпирик и популяризатор данных, но не теоретик социологии, социальный ученый. Во всяком случае, сейчас. Но что важно, Александр Фридрихович корректно сказал мне важную вещь: "У Вас получаются отличные эмпирические зарисовки. Двигайтесь туда. Ваши эксперименты с временными кругами очень даже хороши". Позже он поддержал меня в моем решении пойти работать в ФОМ. Очень благодарна за такой комментарий. Спокойно приняв мысль "я — не Вахштайн", завязала с теоретизированием и занялась тем, что получается лучше. Сейчас же сама часто говорю студентам и юным коллегам, что надо играть свою мелодию, искать свой путь.

И, наконец, важнейшее звено — Юрий Львович Качанов. Это было исключительно виртуальная коммуникация, мы никогда не встречались. Но Качанов очень помог мне своими советами и идеями. Пришлось, практически полностью переделать первый вариант текста, но это того стоило. Думаю, Юрий Львович не увидел реализации всех своих пожеланий в конечном варианте

диссертации, но в целом остался доволен.

Если же совсем просто сформулировать идею диссертации, то это звучит так: мы по-разному ощущаем, представляем, оцениваем, воображаем, требуем, критикуем и отвергаем стабильность. А чтобы понять, как и почему это происходит, надо разобраться с тем, что такое сознание (социальное сознание). Сами понимаете, первое, что мне пришлось тогда штудировать — это книги Бориса Андреевича Грушина. К счастью, мне довелось его и увидеть, и услышать.

— Итак, в ФОМ Вы работаете с 2007 года. Какая тематика стала для вас стержневой? Можно ли сказать, что Вам часто при интерпретации результатов опросов удается опираться на общие разработки о природе стабильности — изменчивости? Не наблюдаете ли Вы, что нередко эта изменчивость направлена не вперед, а назад: тоска по СССР, по брежневским временам?..

— Начну со второй части вопроса. Безусловно, опыт исследования стабилизационного сознания пригодился. Прежде всего — само понимание структуры массового сознания, особенностей его проявления в самых разных ситуациях, контекстах, группах. Владея методологией, можно изучать и другие социальные представления, ценности, установки, настроения. ФОМ дал доступ к огромному массиву все время обновляющихся данных. И если раньше у меня в голове была теоретическая матрица исследования социального сознания и локальный эмпирический опыт, то в ФОМе можно было измерять самые разные аспекты "социальной атмосферы". Отчасти это полстерское занятие напоминает мне работу моей московской приятельницы-метеоролога из центра ФОБОС. Она владеет методикой замера изменений погоды, и ей по большому счету все равно, что именно анализировать и прогнозировать: московскую слякотную погоду или олимпийскую сочинскую.

Если говорить о стабильности в России, то могу заметить, что с 2007 года запрос на стабильность сильно поменялся. Стабильность — понятие относительное, и в зависимости от контекста в ее палитре появляются новые краски. Все чаще смысловой водораздел идет вокруг концептов "стабильность-застой", "стабильность-изменения", "стабильность-стабильности по-путински", "зачем нужна такая стабильность?". Еще несколько лет назад стало понятно, что лозунг стабильности почти исчерпал свой креативный политический потенциал, что нужны новые идеи. Данные показывают, что идеализация брежневской устойчивости еще сохраняется, но в локомотивных социальных группах зреет запрос на иные цели: на обновление, на достойную стабильность в сочетании с движением вперед и справедливостью.

ФОМ — постоянно меняющаяся исследовательская компания. Мне приходилось работать с самыми разными тематиками и запросами. Первый проект был связан с молодежью, а точнее с новым советским поколением, рожденным после 1983 года. В конце нулевых такая тема стала привлекать внимание очень многих: власть, СМИ, образование, бизнес (особенно интернет-бизнес). Такой ФОМовский проект был скорее публичным, нежели коммерческим: мы публиковали много данных опросов, выступали на мероприятиях в СМИ, снимались в документальных фильмах про "путинское поколение". Мне нравилось быть частью публичного конструирования тематик и проблематики нового поколения. Это направление особенно интересно, ведь помимо социологической насыщенности и острой актуальности, поколенческие сопоставления позволяют многое понять и о себе, и о своих родителях, и о детях.

Другой проект, менее известный непосвященным, — региональные исследования. В течение четырех лет мне приходилось вести социологические проекты по заказу региональных администраций и бизнеса. Это очень ценный боевой опыт. Во-первых, пришлось осваивать кухню социально-политических и предвыборных исследований, и что особенно важно, с учетом региональной специфики. Во-вторых, учиться общаться с круп-

ными клиентами в регионах, которые все очень разные и очень не простые. Сибирский опыт мне здесь, конечно, пригодился. В Омске довелось наблюдать региональную политическую элиту, информационные войны, жёсткие противостояния. Все это очень помогало понять запросы клиентов, их потребности, страхи, особенности общения. Иногда серьезно думаю, а не заняться ли теперь такой областью как GR (Government Relations).

Еще одна тема — инновации, инновационный бизнес. От тематики стабильности я закономерно перешла к новшествам и модернизации. Думаю, этот процесс закономерный: от познания неизменности и сохранения к исследованию возможности изменений. В ФОМе были очень яркие проекты с Фондом "Сколково" и другими институтами развития. Во многом по собственной инициативе я поддерживала проект "Люди-XXI" — локомотивной группы социальных инноваторов. Благодаря инновационному и региональному проекту много путешествовала по стране: Ярославль, Тверь, Архангельск, Карелия, Томск, Пермь, Екатеринбург, Новосибирск, Иркутск, Красноярск, Хабаровск, Казань, Липецк, Самара, Ростов-на-Дону, Воронеж, Псков, Калуга, Владимир. К сожалению, пока не доехала до Владивостока и Петропавловска-Камчатского, хотя такая возможность была. Но что особенно важно, удалось познакомиться с людьми особой породы, теми самыми инноваторами: предпринимателями, стартаперами, экспертами, инвесторами, бизнес-ангелами, инновационными менеджерами. Все они одержимы разработкой новшеств и их внедрением в жизнь. Мне очень нравится такая тусовка. Там время бежит быстрее, все немного сумасшедшее, но каждый раз после такого общения поднимаешься на какую-то новую ступеньку.

Немного еще о ФОМе. В первые годы пришлось не сладко. Мой опыт исследований — это "дамское рукоделие" по сравнению с опросной машиной ФОМа. Многому училась буквально с нуля, наравне с молодыми специалистами. Но статусные глупости мало волновали. Хотелось научиться тому, что умеют бывалые сотрудники. Помимо исследовательских навыков ФОМ дал еще две важные специализации — менеджмент исследовательских проектов и продажи/маркетинг исследований. Оказалось, что желание общаться и навыки вхождения в самые разные социальные сети — ценный социальный капитал. Приходилось пробовать себя в самых разных бизнес-ипостасях. Некоторым коллегам это категорически не нравилось. Я же рискнула освоить новые роли, немало раз набила шишек, но в конечном итоге справилась. Теперь управление исследовательскими проектами и продвижение нравится не меньше аналитики. Думаю, ФОМ был подарком судьбы. Только здесь я смогла раскрыть свои качества. Об этом всегда говорю коллегам.

— **Лариса, конечно, Вы верно сделали, что прошли все этапы полстерского дела. Вы понимаете, с чем имеете дело... Мы вернемся к этому, а сейчас — не прошу статью, но в самых общих чертах, что же это сегодня "стабильность по-украински" и "стабильность по-российски"? Мне кажется, что актуальнее вопроса нет...**

— Если говорить о моих сравнительных исследованиях 2005 года, то цель их была скорее методологическая, нежели содержательная. Хотелось показать, как смысловая конфигурация стабильности меняется в различных контекстах. Очевидно, что представления о чем-либо существенно варьируются в зависимости от пола, возраста, образования, дохода, политических пристрастий, а в случае стабильности, еще и профессии. Однако обращение к украинскому (а также белорусскому и польскому материалу) высветило новые грани конструирования образа стабильности. Идея пришла после сравнения своих впечатлений от посещения Киева до и после оранжевой революции (2004, 2005, 2006 гг.). С помощью украинских коллег я провела небольшой экспериментальный опрос студентов Киева и Ивано-Франковска с привлечением психосемантических и других проективных методов (свободный ассоциативный эксперимент, тест Люшера, проективный рисунок).

Сравнение с данными по российским экспериментальным группам выявило интересные политические отсылки, некую политическую, идеологическую "обертку" образа. До украинской революции 2004 года стабильность имела статус легитимации режима. Однако в последние годы правления Л. Кучмы (а позже В. Януковича) тема стабильности активно обсуждалась и в оппозиционных, и в научных кругах. Основными смысловыми различиями были, как и в нынешнем российском варианте, проблемы "стабильность или застой". Очевидно, что дискурс оранжевой революции был нацелен против риторики стабильности. Образ реформ, изменений и новой Украины был не совместим с догмой кучмовского режима ("За нашу Победу! За нашу Украину! Свобода или феодализм? Движение или застой? Перемены или конец! Снова в застой? Вы хорошо подумали?"). Вечная история: власть цементирует себя с помощью идеи стабильности, оппозиция раздувает огонь революции, вызывая ветер перемен.

Разговоры о стабильности в Украине и в 2004 г., и в 2014 г., конечно же, актуализировали геополитические темы: Европа, Евросоюз, Россия, США ("...ни одного кацапа в пределах галактики..."), "Стабильность для Украины — головой на Запад, спиной на Восток", "близость к Европе", "независимость от Америки" и т.п.). Российские респонденты чаще говорят о стабильности как о порядке, сильном государстве. Такая уж у нас ментальность.

Интересный факт состоит в том, что какое-то время моя семья выбирала между Москвой и Киевом. Проанализировав ситуацию, мы выбрали относительно сытую, авторитарную "стабильность по-российски" в ее жестком столичном варианте.

Наблюдая за событиями 2013-2014 г., появляется соблазн снова сделать сравнительное исследование, силами ФОМа и кого-то из украинских полстеров. Надо подумать обязательно...

— **Хватает ли у Вас времени на преподавательскую работу? Иногда это полезно, так как способствует выработке широкого взгляда на предмет своей деятельности, уточнению концептуальных конструкций.**

— Я много преподавала в Омске. Как только в ФОМе представилась возможность не работать со студентами, решила взять паузу. Если коллеги просят что-то в небольших объемах "почитать", почти всегда соглашаюсь. Так приходилось выступать перед студентами ВШЭ, МГИМО, МГУ, магистрантами Шанинки. На базовой кафедре ФОМа в ГУ ВШЭ, наконец. Последние годы я постоянно где-то выступаю — доклады, мастер-классы, лекции, пресс-конференции. Аудитории самые разные: чиновники разных уровней и бизнесмены, общественники и библиотекари, коллеги, потенциальные заказчики и журналисты. Даже сейчас, будучи в декрете, практически "на сносях" должна выступить на конференции Esomag. Жадничаю, не могу лишиться себя удовольствия и добровольно отказаться от доклада.

Я много рассказывала Вам про свои саморефлексии, поиска себя и своего пути. В какой-то момент окончательно поняла, что публичные выступления — это одно из самых интересных и вдохновляющих занятий. Хорошо это или плохо, но я — "публично зависимая". Нравится вдохновлять и делиться опытом. В вузовском формате по многим причинам это не всегда удается делать. Преподавание из творчества и миссии превращается в рутину. Поэтому я сейчас очень разборчиво берусь работать со студентами. По душе — заинтересованные профессионалы. С ними ты — не учитель, а эксперт, собеседник и даже игрок.

Мне кажется, что наша беседа состоялась не случайно. Чувствую, что заканчивается очередной жизненный этап. Не знаю, какой очередной виток сделает биография и кем я буду через полтора года: менеджером исследовательских проектов, аналитиком, ведущим мастер-классов или еще кем-то. Но я с радостью ожидаю изменений. Социологам, мне кажется, вообще нечего бояться. Они любую ситуацию могут понять, принять или изменить.